

Государственное бюджетное учреждение культуры
Владимирской области
«Муромский историко-художественный музей»

СООБЩЕНИЯ
МУРОМСКОГО МУЗЕЯ
2013
(Материалы отчетной конференции)

Владимир
2014

МУРОМСКИЙ МУЗЕЙ. У ИСТОКОВ

Муромский музей начинался почти век назад с «коллекции пресноводных моллюсков, восьми чучел птиц и млекопитающих», собранных участниками кружка по изучению природы при Муромском реальном училище. В августе 1918-го года Муромскому музею местного края при отделе народного образования была выделена одна комната — в доме № 13 по Николо-Можайской улице. Музеи проходили по ведомству народного просвещения, и музеи местного края создавались повсеместно.

Историко-художественные коллекции у музея появились в декабре, когда передали имущество из усадьбы графов Уваровых в селе Карачарово близ Мурома. Это был ключевой момент в судьбе Муромского музея.

В своих воспоминаниях, которые графиня П. С. Уварова назвала символично «Былое. Давно прошедшие счастливые дни», она пишет, что имение Карачарово досталось ей и незамужним дочерям по разделу наследства в 1891 г. Усадьба располагалась на высоком холме над Окой и называлась «Красная Гора». Вся территория была ограничена крутыми склонами, глубокими оврагами. Большой дом (фактически дворец) был ранее достроен по указаниям ее супруга известного археолога А. С. Уварова. Так как жить в нем было некому лет двадцать, то он снова был запущен. Дом оказался без полов и оконных рам. Графиням пришлось ремонтировать дворец и заняться лесным хозяйством, которое было с этого времени их единственным достоянием. До освобождения крестьян существовало огромное барское полевое хозяйство, но село Карачарово было так многолюдно, что пришлось отдать крестьянам не только всю

Т. Б. Купряшина. Муромский музей. У истоков

пахотную землю, но и часть заливных лугов по ту сторону реки. Графиня вспоминает, что они очень скоро привыкли и полюбили свое Карачарово, наслаждались с балкона дворца видом на могучую многоводную Оку, на заливные луга, тянувшиеся по правую сторону на протяжении двадцати пяти верст и заканчивавшиеся темной полосой «нашего леса». Дом и флигели заполнились всеми привычными предметами дворянского быта и произведениями искусства, портретами предков. Была библиотека. Небольшой парк вокруг дворца, оранжереи, конюшни и все прочее, свойственное традиционной жизни в усадьбе. Жили в основном летом, зиму проводили в Москве.

В роковом 1917 году П. С. Уваровой было уже 77 лет. Она обращалась к представителям Временного Правительства, призывая спасти ценности царской семьи, Зимний Дворец обратиться в большой Национальный музей. Революции не до этого. «Мы с детьми немедленно уехали в Поречье, — пишет она, — и принялись там за упаковку и отправку в Москву...»¹. Карачарово было далеко. В октябре 1917 года, когда шли бомбардировки кремля, пришлось покинуть Москву, затем и Россию.

Декрет о земле, один из первых декретов Советской власти, принятый в 2 часа ночи с 26 октября на 27 октября (ст. ст.) 1917 года отдавал бывшие дворянские усадьбы, расположенные в сельской местности, со всем их имуществом местным советам. Советы могли делать с ними все, что угодно. Уваровское имение оказалось во власти Карачаровского волостного совета.

Только через полгода, 28 мая 1918 года, Большой государственной комиссией по просвещению был утвержден отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению. Еще называли так: Коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и ста-

рины. Она создана была И. Э. Грабарем, но вскоре заведующей утверждается Н. И. Троцкая. Очевидно было, что имя жены всесильного председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам Л. Д. Троцкого, второго после Ленина в государственной власти, принесет больше пользы. Мнения современников о Н. И. Троцкой разноречивы. Называли ее самонадеянной, властной и вздорной, говорили, что на работе редко бывала. Ее энергия действовала или только ее имя, но работа двигалась. Троцкая не стала вводить какие-то свои порядки, сохранив команду Грабаря. Она защищала своих сотрудников от притеснений, обысков и арестов, старалась облегчить их материальное положение. В Москве были голод и холод.

Сотрудники Музейного отдела по предложению Троцкой официально назывались эмиссарами, чтобы повысить их правовой статус. Эмиссар — от лат. emissarius — «присланный»; лицо, посылаемое политической или государственной организацией с секретным поручением. Мандаты, подписанные Троцкой, оказывали магическое действие и давали возможность организовать охрану историко-художественных ценностей на местах или эвакуировать их. Шла гражданская война. Случалось всякое, могли и арестовать защитников «имущества буржуазии», а белогвардейцы могли и расстрелять владельца такого мандата.

Декрет о земле, позволявший уездным земельным комитетам распоряжаться имуществом в имениях, связывал руки музейным эмиссарам. Н. И. Троцкой удалось добиться принятия Совнаркомом 5 октября 1918 года декрета «О регистрации, принятии на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Единственным обладателем всех историко-художественных богатств страны объявлялся Народный комиссариат по просвещению, а именно — его Музейный отдел. К осени 1918 года

Музейный отдел имел восемь подотделов, в т. ч. подотделы провинциальных музеев и провинциальной охраны памятников искусства и старины. Главной задачей являлась охрана гигантского даже просто по материальной ценности имущества в музеях, дворцах, церквях. В Музейном отделе собрались крупнейшие специалисты. Это были люди широкообразованные, отличавшиеся нравственной чистотой и порядочностью. Эта была «кучка музейных фанатиков», как с гордостью писал о них Грабарь. Может быть, теперь музейные будни ни у кого не ассоциируются с подвигом, но с фанатизмом — по-прежнему.

От реквизиции муромского имения Уваровых до передачи ценностей в музей прошло больше года. Как это было, что там происходило в 1918 году? Могло все исчезнуть.

Итак, тревожная хроника событий 1918 года, восстановленная по документам Владимирского архива и Муромского музея.

Самый ранний документ (среди обнаруженных) о судьбе уваровских коллекций — рукописная записка с резолюциями: «1918 года марта 13 дня Комиссия по приему на учет имения бывш. гр-ни Уваровой что при селе Карачарово, в составе: Зворыкина, Тихомирова, Апыхтина, Птицина, Калугина согласно поручения Муромского комиссариата Земледелия выезжала в это имение для принятия его на учет в ведение Уездного Комиссариата Земледелия. В присутствии Комиссара Карачаровского Комиссариата Земледелия и членов произвела осмотр этого имения. При этом выяснилось, что никаких планов на имение у Комиссариата земледелия и никаких сведений о количестве земли имения не имеется, почему принять на учет землю не представляется возможным. Ключей от шкафов, гардеробов и сундуков так же нет. Некоторые из них были отперты случайно подошедшими ключами, имеющимися у Комиссара. В них оказались очень ценные вещи, как то ковры, шелко-

вые, батистовые, бархатные и пр. шторы, отрезы всевозможных материй и пр. Имеется очень ценная и редкая библиотека, археологический музей и при нем библиотека. Ценные картины, роскошная мебель и пр. и пр. и все это оценить без специалистов не представляется возможным. Кроме сего имеется ценнейшая оранжерея, для поддержания которой необходимы средства в самом скором времени, иначе все это богатство пропадет. Комиссия полагает, что необходимо назначить 2-3 лиц для подробной описи всего имущества, каковое должно быть опечатано и назначить усиленную стражу. Необходимо достать планы на землю хотя бы из Владимира. Все вышеизложенное необходимо сделать в самом непродолжительном времени. (Подписи без расшифровки. — Т. К.): Н. Апыхтин, Член комиссариата Ф. Калугин, Архитектор А. Зворыкин, Агроном М. Птицин, А. Тихомиров». Резолюция: «Составить комиссию из 3-х лиц, поручив ей произвести опись, пригласить специалистов, библиотекаря, художника, археолога, ... (неразб.), для оценки вещей». Резолюция: «Исполнить»². Исполнить удалось более чем через полгода.

Через месяц, 18 апреля, было написано письмо (рукописное) в Муромский комиссариат земледелия от Муромского научного общества, озабоченного судьбой коллекций из имения Уваровых за подписью И. П. Мяздрикова³. В Муроме, как и повсеместно в 1910-е годы, в 1916 году при поддержке последнего дореволюционного городского головы И. П. Мяздрикова (т. е. сверху) создавалось научное общество по изучению местного края. В него вошел шестьдесят один человек, но разразившаяся революция помешала работе, затем оно было вынуждено прекратить свою деятельность, т. к. его помещение в реальном училище реквизирувалось Высший Военный Совет (ВВС — орган управления Красной армии), эвакуированный в Муром весной

1918 г. из Москвы. Представители ВВС тоже осматривали имение Уваровых, видимо, для квартир высшего состава⁴. 11 мая уездный комиссариат земледелия обращается к Карачаровскому волостному совету: «...не допускать никого и никакие организации в помещение имения..., будут привлечены перед военнореволюционным трибуналом». Даже ревизионной комиссии в июне проверять имения не разрешается⁵. Возможно, письмо от научного общества сыграло свою роль. Наконец, в июле Карачаровский волостной совет принимает очень важное решение — обращается в Муромский уездный комиссариат земледелия и просит помещения в имении Уваровой опечатать. Пожалуй, надо благодарить за это председателя совета И. Костерина. Опечатали 29 июля «двумя печатями на желто-серых картонах с надписями: 1) Председатель Карачаровской сельской избирательной комиссии Карачаровской волости (скорее всего, иной печати не оказалось. — Т. К.), 2) Муромский Уездный Земельный Комитет». Составили тщательный акт. Приложены изображения печатей⁶. По ноябрьским документам можно будет убедиться в целостности печатей.

В имении надо было как-то налаживать жизнь без хозяев. Создана экономия, назначались заведующие, менялись экономы. Ряд служащих продолжал исполнять свои обязанности, обслуживать сельскохозяйственных рабочих, среди которых были австрийцы. Волостному совету приходилось рассматривать вопросы о прибавке жалованья служащим ввиду инфляции. Кухарке и скотнице прибавили с 25 до 50 рублей, а с 20 сентября за 225 рублей наняли садовника для спасения оранжерейных растений⁷. К осени осложняется вопрос с продовольствием. Комитеты бедноты распределяют все, что удалось произвести в экономии «б. гр. Уваровой». Красную материю «на знамя к празднованию революции» берут в имении; стулья, столы,

зеркала, часы и даже веревки, теплую одежду — все там же. А еще в протоколах фигурируют решения о спичках, дровах, лошадях, сене, жалованье дворникам, служащим, увольнении лишней прислуги, о продаже цветов. Художник Лобков пишет, что нечем рисовать вождей. Принимается решение об отпуске из имения карандашей и красок, которыми рисовать портреты для учреждений, и что «краски для других целей не нужны»⁸.

В Муромском уезде начинают создаваться коммуны, и 25 сентября Карачаровской сельскохозяйственной общине предлагается «перейти на коммунистическое ведение хозяйства». Дело в бывшей барской деревне, видимо, не движется, поскольку 7 декабря крестьянина Федора Петровича Курникова собираются «снабдить литературой» для такой работы⁹. Позже, в 1919 г., появится коммуна «Альтруист» и просуществует до 1924 г.

Однако над ценностями, запертыми и опечатанными в имении, постоянно висит угроза. В протоколах Карачаровского волостного совета рассматривается вопрос «если спонадобится вскрыть шкафы или двери в имении графини Уваровой», и выносится постановление: «Вскрывать Исполнительному комитету вместе с економом. За отсутствием его исполнительному комитету разрешается вскрывать составлением протокола»¹⁰. 23 сентября военному волостному комиссару разрешают поместить канцелярию на Красной горе в доме графини Уваровой¹¹.

Наконец, 9 октября Муромский УЗО предлагает волостному совету срочно дать своих представителей для проверки имущества в имении, ссылаясь на постановление отдела текущей земельной политики Народного комиссариата земледелия о переходе всех помещичьих домов с находящимся в них имуществом в ведение уездных земельных отделов¹². В Карачарове решили посопротивляться (постановление от 14 октября):

«большинством 12 против 5... и просить Муромский Уездный Отдел Народного Образования оставить Комитету Уезда Музей с редкостями находящимися в этом имении»¹³. 8 ноября Владимирский местный контроль фиксирует в журнале за № 4669, что «помощник ревизора Мирский 31 окт. посетил Уваровское имение и донес, что Уездный Комиссариат передавая правый флигель под Народный дом, намерен передать и все там имущество... Учетно-Контрольная Коллегия протестуя самым решительным образом... просит перенести все имущество в главный дом вплоть до формирования особой комиссии»¹⁴.

Опись имения все же была составлена! И она нашлась — хранится среди документов уездного земельного отдела в ГАВО. Это объемный машинописный документ формата А4 на сорока трех листах. Описаны все помещения, ценности, инвентарь и пр. На ее составление, наверное, ушел не один день. Опись испещрена пометами — передано в музей, передано народному дому и пр. К описи есть акт: «1918 года Ноября 30 дня мы, нижеподписавшиеся Члены Муромского Уездного Земельного Отдела Дегтярев и Занозин Карачаровского Волостного Земельного Отдела Орехов и Волостного Исполнительного Комитета Маслин производили опись живого и мертвого инвентаря и имущества в имении бывшей графини Уваровой при чем все имущество, поименованное в прилагаемой при сем описи находится налицо о чем и ПОСТАНОВИЛИ: записать в настоящий акт, который вместе с описью представить в Уездный Земельный Отдел для передачи имущества заведующему имением на предмет хранения и ответственности за таковое»¹⁵. В октябрьских документах упоминалась временная заведующая Н. В. Рунина. Наконец, в конце ноября, принимается важнейшее решение, определившее судьбу коллекций из Карачарова и Муромского музея: «ЖУРНАЛ № 767 Заседания Муромского Уездного

Земельного Отдела Совета Ра. Кр. и Красноарм. Депутатов. 1918 года Ноября 30 дня. Муромский Уездный Земельный Отдел под председательством Заведующего Уездным Земельным Отделом Шишлина, Членов: Дегтярева, Исаева и Куприянова, при делопроизводителе Афанасьеве.

Рассмотрев заявление представителя Всероссийской Коллегии по охране памятников и музеев Пашуканиса о передаче всех предметов старины находящихся в имении гр. Уваровой в ведение Муромского музея при Муромском Уездном Отделе Народного Образования, принимая во внимание, что все предметы старины действительно требуются лишь только для музея, то Уездный Земельный Отдел ПОСТАНОВИЛ: все предметы, признанные представителем Всероссийской Коллегии Пашуканис подлежащими передачи, передать в ведение Муромского музея; для каковой цели командировать члена К. П. Дегтярева»¹⁶. Подписи всех следуют.

Вызвали эmissара из Москвы? Кто? Причем оперативно! Значит, в ноябре уже велся отбор, причем эmissару уже можно было руководствоваться декретом от 5 октября 1918 года «О регистрации, принятии на учет...». В каком состоянии эmissар застал имение? Похоже, что в полном порядке. В акте, написанном рукой Пашуканиса 2 декабря, говорится, что «печати во флигеле народного дома на уборной и комнате № 8... с одной стороны отстали от краски»¹⁷. Если уж такая мелочь — повод для отдельного акта, следовательно, и прочие печати не были сорваны.

В музейном архиве самый ранний документ, упоминающий таинственного эmissара — это акт, начатый, очевидно, почерком самого Пашуканиса: «1918 года декабря 3-го дня, я представитель комиссии Карачаровского Народного Дома тов. Кукин сдал представителю Отдела Народного Образования, заведую-

щему Муромским Музеем тов. Жадину для передачи в сказанный музей нижеследующих предметов, находящихся в правом боковом флигеле дома б. гр. Уваровой:

Одну тумбочку красного дерева

Одну зеркальную этажерку

Стеклянный шар от паникадила XVIII в.

Один барельеф гипсовый

10 акварелей, виды итальянских городов

Три картины больших: а) генерал 12-го года, б) вид города,

в) Архипов «На Оке»

Восемь картин малых, из них три раскрашенные гравюры

Две фарфоровых синих пепельницы

Два соусника фарфоровые, белые с золотыми листочками

Четыре бронзовых и один посеребренный подсвечник

Шесть деревянных бра

Четыре хрустальных блюда

Одно глиняное блюдо с распятием

Два стеклянных стакана цветных

Пятьдесят одна тарелка фарфоровая разных фабрик

Две большие картины фламандской школы.

(Все это могло запросто вместе с флигелем отойти Карачаровскому народному дому! — Т. К.) Подписи: одна неразборчива, член Карачаровского Народного Дома И. Кукин. При сдаче присутствовал Эмиссар Коллегии по делам музеев Народного Комиссариата по Просвещению В. Пашуканис». Почерк последней приписки совпадает с началом документа¹⁸.

Заведующий музеем В. И. Жадин (1896-1974), тогда совсем еще молодой человек (впоследствии видный гидробиолог, зоолог, доктор биологических наук, профессор Ленинградского гидробиологического института), более всего озабоченный изучением жизни в пресных водах и созданием Окской биоло-

гической станции, едва ли мог в полной мере оценить свалившиеся на его голову ценности. Позднее в музее будет работать художник и коллекционер, академик живописи, И. С. Куликов, он-то мог бы разобраться в столь замечательных коллекциях. Он и в имении бывал не раз, писал портрет графини, но в документах 1918 года он не упоминается.

Итоговый документ передачи коллекций: «АКТ 1918 г. Декабря 6 дня мы нижеподписавшиеся: члены Земельного отдела при Муромском Уездном Исполнительном Комитете Совета Ра. и Кр. Депутатов Константин Павлович Дегтярев с одной стороны и представители Отдела Народного Образования при том же комитете Влад. Иван. Жадин и Ник. Павл. Андри́н с другой стороны в присутствии эмиссара Коллегии по делам музеев при Комиссариате Народного Просвещения В. В. Пашуканис составили настоящий акт в следующем: мы представители Земельного Отдела сдали представителям Муромской музейной Комиссии предметы, находившиеся в доме б. гр. Уваровой в с. Карачарово Муромского уезда Владимирской губ. отобранные эмиссаром Коллегии и представителями местной музейной комиссии, представляющие художественно-историческую ценность. Мы представители Муромской музейной Комиссии приняли означенные предметы для хранения их в историко-археологическом отделении музея. Сказанным вещам составлена заверенная всеми подписавшимися опись, приложенная к настоящему акту. Настоящий акт составлен в трех экземплярах, из коих подлинник передается в земельный Отдел и копии в Муромский отдел Народного Образования и эмиссару коллегии Пашуканис для передачи в Коллегию по делам музеев при Комиссариате Народного Образования. Подписи. Представители Земельного отдела Дегтярев. Представители Отдела Народного Образования В. Жадин, Н. Андри́н.

Эмиссар коллегии В. Пашуканис. Г. Муром»¹⁹. Упоминаемый Николай Павлович Андри́н, известный в Муроме антикварий, художник, копиист, собиратель (и перепродавец) древностей, в это время уже очень пожилой человек. Далее следует сама опись: «Опись имущества б. имения граф. Уваровой, переданного Музею Муромского Отдела Народного Образования». Это 4 листа с оборотом, заверенные скрепой на каждом листе: л. 1 — эмиссар, л. 2 — коллегии, л. 3 — по делам музеев, л. 4 — В. Пашуканис. Дата — 6 декабря 1918 г., подписи²⁰. Описание сделано по комнатам. Главная квартира: 1 этаж, комната № 5, 7, 8, 9, 10, 11; 2 этаж, комната 2, 5, 6; вход, парадный коридор, комната 7, 8, 9, 10, 11, 12, 3 этаж, комната 5, комната 2, левый боковой флигель и т. д. Описания весьма условные, например: икон старинных — 2, портретов разных в рамках — 8, бюстов мраморных — 2 и т. п.

Особый акт посвящен библиотеке Уваровых: «1918 г. Декабря 5-го дня Я, эмиссар Коллегии по делам музеев при Народном Комиссариате по просвещению Пошуканис, в присутствии представителя Земельного Отдела при Муромском Уездном Совете Раб. и Кр. Депутатов тов. Дегтярева и Заведующего музеем Отдела Народного Образования при том же совете тов. Жадина на основании мандата, выданного мне Отделом и согласно полученным инструкциям опечатал печатью отдела комнату, в коей находится библиотека б. граф. Уваровой, представляющая научно-историческое значение по подбору книг по библиографии и таковая не могущая быть обращенная на местные нужды без разрешения библиотечного Отдела при Народном Комиссариате Просвещения. По подготовке надлежащего помещения в здании историко-археологического отделения музея музею Муромского Отдела Народного Образования представляется право (сняв печать) вывести содержащиеся

ся в четырех правых шкафах материалы по русской истории. При составлении акта о вывозе надлежит указать (количество) книг, брошюр, альбомов и атласов в отдельности; составление подробной описи желательно в срок не более месяца. Помещение библиотеки с остатками книг должно быть опечатано печатью Отдела Народного Образования. О чем и составлен настоящий акт в трех экземплярах. Вставленному „сняв печать и количество” верить. Эмиссар Коллегии (*подпись*) В. Пашуканис. Представитель Земельного Отдела (*подпись*) Дегтярев. Заведующий музеем (*подпись*) В. Жадин. 6 декабря 1918 г. Муром»²¹. Делопроизводство на высоте! Еще сохранены традиции, навыки, специалисты. Все передаваемое имущество предлагалось списать «с описи инвентаря имения гр. Уваровых»²². На той описи действительно масса помет о передаче.

Итак, эмиссар Пашуканис, по сути, ключевая фигура в истории создания нашего музея. Викентий Викентьевич Пашуканис — библиофил, спирит (член основанного в 1905 году «Русского спиритуалистического общества»), знаток и собиратель редких книг и рукописей о мистике и масонстве.

Когда-то он писал:

«О себе

Шатен, высокого роста, 30 лет, я получил то, что носит название „высшего образования”. Ум... умным называют того, кто умеет разгадывать шарады и того, кто решает философские вопросы — я слишком умен для первого, а пример Фауста показал, что бесцельной тратой времени является второе. Я — интеллигент, интеллигент-индивидуалист. Слово „праведность” заставит меня насмешливо улыбнуться, выражение „высокая любовь” — для меня непонятно. Как Мюссе, я признаю, что цветок в волосах является вполне достаточной одеждой для женщины...»²³

Викентий Пашуканис родился в 1879 году в Москве. (В интересующем нас 1918 году ему почти 40 лет.) Отец его — В. Ф. Пашуканис, литовец из Каунаса, преподавал математику в гимназии. В. Пашуканис окончил математический факультет МГУ, службу начал акцизным (налоговым) чиновником. В 1908 году женился на Анне Гордеевне Сивопляс, учительнице из Таганрога. В 1910 году в Москве у них родилась дочь Ариадна. В конце 1980-х она еще была жива.

В конце 1914 года Пашуканис был приглашен на работу в издательство «Мусагет». Это издательство было основано музыкальным и литературным критиком Э. Метнером и поэтами Андреем Белым и Эллисом (Л. Л. Кобылинским) в Москве в 1909 году и просуществовало до 1917 года. «Мусагет» издавал русские и переводные книги, в основном стихи поэтов-символистов и книги философского, религиозно-мистического профиля. «Мусагет» был идейным центром, кружком единомышленников. Дела издательства идут плохо. Пашуканис становится секретарем и заведующим коммерческой частью с жалованием 50 руб. в месяц. Он резко выделяется деловой хваткой среди сотрудников. Пашуканису удается несколько стабилизировать финансовое положение. Владелец издательства неоднократно положительно отзывался о его работе, отмечал что дело находится в руках безусловно честного и очень «дельного человека».

Дела «Мусагета» не улучшаются. Пашуканису приходится даже одолжить издательству 500 рублей личных денег. Пашуканис предлагает реорганизовать издательство и сделать его коммерчески ориентированным. Не найдя поддержки, он, не оставляя своих обязанностей в «Мусагете», начинает свой собственный издательский проект «Издание В. В. Пашуканиса». Выпускал он в основном стихи. Пашуканис становится одним из главных издателей популярнейшего поэта

1910-х Игоря Северянина, печатает К. Бальмонта, А. Белого, В. Гофмана, заводит магазин на Большой Никитской, где продает свои книги. Викентия Викентиевича связывали с авторами издаваемых им книг дружеские отношения. Андрей Белый, Александр Блок, Вячеслав Иванов, Игорь Северянин, Эллис, Валерий Брюсов, Зинаида Гиппиус — все они бывали в его квартире в доме 17 по Большой Никитской. Они ценили феноменальную эрудицию, любовь к литературе, доброжелательный, открытый и веселый характер Пашуканиса. Ему дарили книги. Он собрал уникальную библиотеку современных русских поэтов и писателей.

В 1915 году Пашуканиса призывают в армию (в ополчение), он служит в Москве, имея возможность продолжать издательскую деятельность. Хлопочет об освобождении от воинской службы — безуспешно, но на фронт не попадает. Революцию В. В. Пашуканис встречает в Москве: «Монотонно такает в соседней квартире пулемет, и каждые пять минут ухаёт трёхдюймовая пушка под окном. Изо дня в день, вот уже пятые сутки идет непрерывная перестрелка, то усиливаясь, то ослабевая и, когда на несколько минут наступает такая необычная теперь тишина, она кажется гнетущей: большевики ли готовятся перейти в наступление или юнкера готовятся занять какой-либо важный пункт? А ночью, когда как член домового комитета стоишь на часах — монотонный, непрерывный свист пуль над головой, пуль на излете, пуль, летящих выше зданий, пущенных Бог весть откуда и Бог весть куда... Но ощущения смерти нет, как-то странно не чувствуется, что смерть близка, что она вот тут, в монотонном свисте пуль на излете, в ярких вспышках синих молний или там, вон в той красной англиканской церкви, откуда пулеметом изрешетили вывеску над воротами, железные ворота и окна во флигеле во дворе. Днем, на моих глазах,

как-то странно повернувшись, прилег вдруг посредине улицы молоденький студент и, когда его торопливо, волоком тащили в подъезд, поперек лица из черного пятнышка на лбу быстро-быстро поползло что-то красное, и затихла улица... Минул этот шестидневный сон, минул кошмар последней ночи и снова полны улицы шумной толпой. Еще дымятся почерневшие остовы домов, еще краснеют стены свежими ранами и так ярко подозрительные красные пятна на снегу и обледеневшей, давно не езженной мостовой, а уже шумит и гудит людской поток...»²⁴ Это он пишет жене. Прекрасный слог. Удивительно ярко, выразительно передана атмосфера. В этой «буче, боевой кипучей» кому было дело до старинных книг и картин, до музейных экспонатов. Жизни ничего не стоили.

Чуть раньше, 25 августа 1917 г., Игорь Северянин пишет ему: «Многоуважаемый Викентий Викентьевич! Обстоятельства складываются скверно, и 1-го сентября я вынужден оставить гатчинскую квартиру, перевезя все вещи на хранение на дачу, где имею надежных, более 10 лет знакомых, крестьян. Около этого же числа надо выкупить все ценные вещи и быть готовым к отъезду. Поэтому, пожалуйста, переведите 500 р<ублей> на Гатчину, Кирочная, 7, кв. 3... Всего хорошего. Ваш И. Лотарев»²⁵. Бальмонт об этом времени потом писал: «Я задумал бежать из России еще осенью 1919-го года... Мой близкий друг и мой издатель, начавший печатание полного собрания моих сочинений, В. В. Пашуканис, обещал мне дать необходимые деньги, и они у него были наготове...»²⁶

После революции Пашуканис не уезжает, около года продолжает заниматься издательской деятельностью — последние книги его издательства вышли в 1918 г. С 14 октября 1918 г. он становится сотрудником Музейного отдела Наркомата просвещения и, по совместительству, помощником Ученого секретаря

Румянцевского музея. Муром — одна из первых его командировок. В качестве эmissара Музейного отдела Пашуканис занимается оценкой и вывозом в Москву произведений искусств из оставленных владельцами имений. Среди наиболее крупных — коллекции графа И. Ф. Паскевича-Эриванского в Гомельском дворце. Историческое серебро, драгоценности, мебель, фарфор, скульптура, портреты, миниатюры, рисунки, стекло — все это было спасено. Считается, что только золота и серебра около ста пудов были перевезены в Москву. Сокровища спасались буквально из огня под его руководством. Коллегия Наркомпроса выделяет ему новый пиджак взамен того, который на нем прогорел при спасении ценностей из дворца Паскевича. А начиналась эта командировка великолепно. Пашуканис пишет из Гомеля: «...не знаю в каком сне снилось, в какой сказке сказывалось, правда, у нас сказочная действительность, но все-таки я не ожидал, что мне придется жить-ночевать в спальне князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского. Вы понятно слышали, знаете его дворец в Гомеле — великолепие потрясающее: спальня черного дерева с богатейшими бронзовыми украшениями, обивка желтого штофа, из окон вид на р. Сож на десятки верст... Здесь к моим услугам и ванна и электричество, здесь такие оранжереи и зимние сады, что невольно мелькает мысль: не заняться ли составлением описи замка. Ну, еще бы, по утрам в 9 часов на китайском лакированном подносе дворецкий присылает „пану эmissару“ кофе с сахаром и со сливками, в 2 — обед из трех блюд и кофе, в 7 — „легкий“ ужин из 2-х блюд и тот же кофе...»²⁷ Это в 1919 году. Муромская командировка была в ноябре 1918 года, обстановка в имении могла быть подобной. В 1919 году он обследует в Московской губернии усадьбы графов Паниных — Марфино, Покровское, принадлежавшее Герценам, поместье Глебовых — Раек в Тверской губернии.

Эвакуирует из знаменитой усадьбы Бакуниных — Премухино, что близ города Торжка, — уникальный семейный архив.

Пашуканиса арестовывают 12 декабря 1919 года. Его обвиняют в том, что на его квартире состоялась встреча двух представителей контрреволюционных организаций. Одновременно с ним исчезает сотрудник Музейного отдела Вадим Игоревич Раевский. Пашуканис содержится в Бутырской тюрьме. У него были реквизированы все ценности, подлинники картин известных художников, ценная коллекция марок. Среди конфискованного было издание, видимо, самое раннее, размноженное литографическим путем — «Древние и современные протоколы собраний Сионских Мудрецов». Потом оно оказалось в собрании редких книг библиотеки имени Ленина. Все, что связано с этими протоколами, окутано тайной и/или скандалом. Не могло ли одно это издание стать тайным поводом к аресту?

Заведующая Музейным отделом Н. И. Троцкая 16 декабря посылает телефонограмму, пытаясь освободить Пашуканиса. Тщетно. В протоколе от 13.01.1920 заседания внесудебной тройки ВЧК в составе «товарищей Дзержинского, Аванесова, Петерса» под номером 60 значится Пашуканис Викентий Викентьевич. «Постановили — расстрелять»²⁸. Сведений об исполнении приговора не имеется. 30 января 1920 года в тюрьме просто не приняли передачу. Эти сведения, видимо, передавались через потомков. Во времена перестройки Комитет государственной безопасности СССР направил следственное дело по обвинению В. В. Пашуканиса в Прокуратуру СССР для проверки обоснованности его осуждения. Разумеется, он подлежал реабилитации. Никакого состава преступления в его деле не было обнаружено. О деятельности по спасению художественных ценностей и о причинах ареста подробно рассказано в статье Е. В. Кончина «Трагедия Викентия Пашуканиса».

Он опубликовал две статьи: «Пожар в Гомеле» («Советская культура». — 8.12.1990) и «Сгорели ли на Лубянке письма Блока?» («Независимая газета». — 19.09.1998)²⁹. Известный журналист-архивист Евграф Кончин еще в восьмидесятые годы собрал интереснейшие материалы о спасении историко-культурных ценностей после революции. У него вышли две книги на эту тему «Эмиссары восемнадцатого года» (1981), «Революцией призванные» (1988). Однако даже в конце восьмидесятых в них не позволили упомянуть имя Троцкой, а также и репрессированных подвижников Музейной коллегии. В 2005 году Белорусская телерадиокомпания «Гомель» сняла документальный фильм «Трагедия Викентия Пашуканиса» (26 мин). В социальных сетях можно найти потомков этого замечательного человека. На международную конференцию «Книгоиздательство „Мусaget“» приезжал правнук, живущий ныне в Японии Андрей Рэмович Николаев, и сделал сообщение о подвижнической деятельности и трагической судьбе В. В. Пашуканиса; были зачитаны письма из его семейного архива³⁰.

А тогда в Муроме, в декабре 1918 г., музей, получив по отбору В. В. Пашуканиса все лучшее из коллекций графов Уваровых, располагается в одном из лучших особняков города — доме купцов Зворыкиных. Имя Владимира Козьмича Зворыкина, изобретателя телевидения, теперь известно всему миру. В своих воспоминаниях он пишет о том же самом, но совсем с другой стороны: «Наш большой дом тоже был реквизирован под музей естественных наук, матери и старшей дочери разрешили временно остаться в двух комнатах. Я старался, как мог убедить их переехать в Москву, где им будет спокойнее, но заставить их уйти из родного дома было невозможно. Это оказалось роковой ошибкой. О том, что случилось потом, узнал спустя много лет. Мне рассказали, что моя тетя Мария была убита дома

возлюбленным своей приемной дочери. Мотивом, по-видимому, являлся грабеж, поскольку в доме было много икон, которые она собирала всю жизнь. Пострадали и другие родственники. Рассказывали, что отец моего кузена Ивана, большой любитель лошадей, ухаживавший за ними как за детьми, застрелился, когда лошадей реквизируют»³¹.

В декабре 1918 г. новые хозяева графского добра записали в Журнале УЗО № 951 от 25 дек: «В экономии бывш. гр. Уваровых находится много цветов... если цветы не продавать... получается так или иначе ущерб... обратиться в учреждения и театры с предложением покупки цветов...»³²

Вот из всех этих трагических событий 1918 года сложился музей.

¹ Уварова П. С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни // — М., 2005. Труды ГИМ. — Вып. 144. — С. 238.

² Уездный земельный отдел // ГАВО. — Р. 980. — Оп. 1. — Д. 59. — Л. 193.

³ Там же. — Л. 269.

⁴ Акт от 14 мая. 1918 г. // Там же. — Л. 325.

⁵ Там же. — Л. 312.

⁶ Там же. — Д. 85. — Л. 2.

⁷ Там же. — Д. 209. — Л. 3.

⁸ Там же. — Д. 85. — Л. 23.

⁹ Там же. — Д. 209. — Л. 16 и 170.

¹⁰ Уездный исполнительный комитет. Протоколы заседаний и общих собраний Карачаровского волостного совета // ГАВО. — Р. 363. — Оп. 1. — Д. 18. — Л. 50б.

¹¹ Там же. — Л. 12.

¹² ГАВО. — Р. 980. — Оп. 1. — Д. 59. — Л. 432.

¹³ ГАВО. — Р. 363. — Оп. 1. — Д. 18. — Л. 13.

¹⁴ ГАВО. — Р. 980. — Д. 84. — Л. 2.

¹⁵ ГАВО. — Р. 980. — Оп. 2. — Связка 1. — Д. 6. — Л. 10-53.

¹⁶ Там же. — Л. 64.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Акты на поступления из имения Уваровой, ЧК и Милиции // МИХМ. —

ВА — Ф. 9. — Оп. 1. Ед. хр. — 25. (Ранее НА-80). — Л. 6.

¹⁹ Там же. — Л. 1.

²⁰ Там же. — Л. 2-5.

²¹ Акты сдачи-приемки музея // МИХМ. — ВА. — Ф 5. — Оп. 1. — Д. 1. (НА-149). — Л. 1.

²² ГАВО. — Р. 980. — Д. 85. — Л. 7.

²³ Издательство «Мусaget» - Musaget (1909-1917) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://musaget.narod.ru/index.htm>.

²⁴ Пашуканис — жене, 1-2.11.1917 (семейный архив А. Р. Николаева) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://musaget.narod.ru/pashukanis-bio.htm>.

²⁵ В. Терёхина, Н. Шубникова-Гусева. «Игорь Северянин. Царственный паяц». Письма В. В. Пашуканису // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.poet-severyanin.ru%2Flibrary%2Figor-severyanin-tsarstvenniy-payats25.html&tld=ru&lang=ru&text=%22%D0%9F%D0%B0%D1%88%D1%83%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%81%20%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%B9%20%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%22&l10n=ru&mime=html&sign=9856fc750db82e59c8547505312fa0db&keyno=0>.

²⁶ К. Бальмонт. Кровавые лгуны. Воля России. 1921. 22 мая. № 209. С. 4-5. Русская литература, № 3, 2004 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rusbook.com.ua/russian_classic/balmont_kd/krovavyie_lgunyi.1277/?page=2.

²⁷ Семейный архив А. Р. Николаева // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://musaget.narod.ru/pashukanis-bio.htm>.

²⁸ ЦА ФСБ России. — ЛФД. — Д. 320. — Л. 1-2об. Подлинник. Машинопись // Интернет-проект «Архив Александра Н. Яковлева» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1018591>.

²⁹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://musaget.narod.ru/konchin.htm>.

³⁰ Вопросы философии. — 2009. — № 12. — С. 144-149.

³¹ ГАВО. — Р. 980. — Оп. 1 — Д. 85 — Л. 13.

³² Там же.

Научное издание

Сообщения Муромского музея — 2013
(Материалы отчетной конференции)

Под редакцией Е. И. Сазоновой,
Т. Б. Купряшиной, Ю. М. Смирнова

Компьютерная верстка Е. Ю. Лемм

Обложка Е. В. Кулагина

Авт. листов — 10,31
Усл. печ. листов — 17,88